

В октябре через бывшую жену я познакомился с женщиной-психологом по имени Елена. Она занималась лечением депрессии при помощи психокоррекции. Я не знал, что это такое, и спросил у Елены, что собой представляет психокоррекция. Приходите на занятия и тогда поймете, ответила она.

Мы договорились о встрече в десять утра в ближайшую субботу. До сеанса Елена попросила составить список проблем, которые тревожат меня. В течение двух дней я подготовил список, в который вошло двадцать семь пунктов. В него было включено все, что только смог вспомнить: гнев, тоску по бывшей подруге, лень, депрессию, отсутствие контроля над эмоциями, нетерпение и прочее, поскольку (чем черт не шутит), возможно, при помощи этого метода удастся обуздать недостатки характера, а заодно избавиться от депрессии, время от времени поднимавшей голову. Света сильно нахваливала эту

методику, заявляя, что после проведения коррекции ей целый месяц было спокойно на душе.

За день до встречи я позвонил Елене и спросил, что нужно взять с собой и какую сумму нужно будет заплатить. Она сказала, что необходимо взять тетрадь, ручку, еду, а стоимость будет известна только в конце сеанса, ориентировочно она будет составлять от двух с половиной до трех тысяч рублей. Я спросил, для чего брать еду. Она ответила, что коррекция длится не меньше шести часов, нужно будет подкрепить силы.

Я выехал из дома с таким расчетом, чтобы до начала сеанса успеть прогуляться по центральной аллее, и, как оказалось, правильно сделал, поскольку почему-то именно в ту субботу дороги в центре города были перекрыты из-за празднования восьмидесятилетия Н-ской области. Мне пришлось припарковать машину на приличном расстоянии от здания, в котором проходила коррекция. Прогулка

отменялась, нужно было потопириться, чтобы прийти вовремя. Я подошел к зданию, но не нашел вход. Обошел здание кругом. Обыкновенный жилой дом, четыре подъезда. Мне нужно было подняться на шестой этаж. Я прочитал табличку, прикрепленную рядом с подъездом. Четыре квартиры на этаже. Всего в подъезде двадцать квартир. Получается, что дом пятиэтажный. Где шестой этаж? Я отошел от дома и посчитал этажи. Правильно, пять. Получается, Елена меня разыграла. Что за мистификация!

Я вытащил из кармана телефон и позвонил Елене. После шестого гудка она сняла трубку.

— Здравствуйте, Елена, это Анатолий.

— Здравствуйте, Анатолий. Вы приехали?

— Да, приехал, но не могу попасть в здание. Поясните, как это сделать.

— Вход со стороны площади Кондратюка. Заходите и на лифте поднимаетесь на пятый этаж, выше лифт не ходит. Потом

по лестнице поднимаетесь на шестой, и направо по коридору. Комната номер семьсот двенадцать. Жду.

Я обогнул здание и обомлел: там, где пять минут назад была ровная стена с узкими окошками, тарачившимися пластиковыми бельмами на площадь, теперь был вход с колоннами, на которых лежал массивный козырек, и автоматически открывающимися здоровенными стеклянными дверями. Я перешел дорогу и окинул здание взглядом: с этой стороны оно имело шесть этажей, шестой этаж был мансардой, окна которой еле-еле были видны из-за выложенных по периметру здания плит, торчащих на улице.

Я вошел в холл и осмотрелся. За стойкой, находившейся на возвышении слева от входа, сидели двое пожилых мужчин в черных костюмах, белых сорочках и галстуках. Судя по военной вышивке, это были офицеры, а по неуловимо быстрым взглядам, которыми они сканировали меня, явно бывшие работники ФСБ. Я поздоровался и спросил, где находится лифт: в холле его не было видно. Один из мужчин показал, где, и спросил, куда я направляюсь.

Я бы сильно удивился, если бы они не поинтересовались у меня, куда иду и с какой целью.

Я ответил. Задавший вопрос мужчина коротко кивнул другому, с вопросом во взоре смотревшему на него: все в порядке, есть такая, психолог. Только тогда его напарник расслабился и потерял ко мне всякий интерес.

Я миновал холл. Вызвал лифт. Тихо звякнул звонок, дверь лифта открылась, и я вошел в кабину. Нажал кнопку пятого этажа; остальные кнопки, их было еще пять, были аккуратно заклеены белым скотчем, а поверх шла

надпись: «Лифт ходит только до пятого этажа — выше космонавты стерегут звезды, не мешайте им».

Надпись была выполнена красивым каллиграфическим почерком с завитушками.

Поднявшись, я нашел комнату номер семьсот двенадцать, постучал в дверь и, дождавшись приглашения, вошел.

Помещение было маленьким, потолок был обклеен тонкими пенопластовыми квадратами, а стены покрашены светло-желтой краской. Возле стен находились три офисных стула, и стояла небольшая софа с лежащими на ней подушками. Напротив софы сидела Елена, а возле нее располагался крошечный столик, на котором стоял чайник и стаканы. На столике также был сыр на блюде, напомащенный маленькими кусочками, и галеты в высокой чашечке.

По разным углам на стульях сидели две женщины и что-то яростно строчили в тонких школьных тетрадках.

— Наконец вы добрались, Анастолый, — сказала Елена.

— Это было просто, — отозвался я шутя.

— Вы подготовились? Взяли с собой список?

— Конечно.

— Тогда раздевайтесь, вешалка у двери. Берите список и подходите ко мне.

Я разделся, достал из рюкзака тетрадь и подошел к ней. Елена взяла мои руки за предплечья в районе кистей, указательными пальцами уперлась в предплечья и забормотала про себя: вода — да, вода — нет, могу протестировать... Остальные слова я не понял: говорила она очень тихо. Елена бормотала и бормотала, время от времени отводя мои руки чуть в стороны.

— Ваш список не полон, — закончив, сказала она. — Вам нужно добавить еще одиннадцать пунктов. Как добавите, подходите.

Я присел на софу и задумался. Вроде все перечислил! Еще одиннадцать пунктов. Где ж их

взять! Тем не менее, поднату- жившись, я дописал недостаю- щие пункты.

Пока я ломал голову над тем, что включить в список, женщины по очереди подходили к Елене, она так же брала их за руки, что-то бормотала, после чего они снова садились на сту- ля и торопливо делали запи- си в тетрадках.

Наконец я закончил и подо- шел к Елене.

— Так, покажите, что вы написали, — сказала она, взяла меня за руки и стала тестиро- вать. — Отлично, вот этот пункт. Напишите шесть причин вашего негативного отношения к друзь- ям. Как напишете, подойдите.

Я вернулся на софу. Причины негативного отношения к друзь- ям. Разве я негативно отно- шусь к друзьям?

Ни с того ни с сего в голову пришла мысль, и мысль эта была явно не моей: отступить дальше некуда, будь искрен- ним. Неужели тигр? И тогда я, как и присутствующие женщины, заскрипел пером в тетради.

После того как я закон- чил, Елена протестировала меня и сказала, чтобы я вспо- мнил себя в первом классе и на- писал о том, что чувствовал, ко- гда мне было семь лет. Задача была не из простых, но я спра- вился. Потом потребовалось вспомнить, что меня больше всего возмущало в семь лет. За- тем — почему у меня в том неж- ном возрасте произошла потеря ценности жизни. Выполнив зада- ние, я думал, что будет перерыв, но ошибся. Следующее задание состояло в выяснении причин, по которым я отказался в семь лет от реальности. В конце концов задачи, которые ставила предо мною Елена, настолько увлекли меня, что я с нетерпением ждал, что будет отвечать на столь заковыристые вопросы мой

разум, который, казалось, не имел ко мне никакого отноше- ния, существовал сам по себе, выдавая на-гора такие ответы, которые я ни за что не смог бы придумать в трезвом рассуд- ке. Я ответил, почему в семилет- нем возрасте появилось отвра- щение к жизни, ответил, почему выгодно быть закрытым для мира, ответил, какие есть отри- цательные черты у замкнутости. Затем пришла пора ответить на вопрос, кого мне надо про- стить, а у кого попросить прощае- ния. Затем мне нужно было осознать как минимум четыре причины для прощения. После этого я написал, что получу, если прощу всех вышеперечисленных.

Я успел два раза сходить в туа- лет, попить чаю, а потом и пере- кусить, а вопросы все не конча- лись.

Перерыв на еду закончил- ся, и я ответил, в чем настоящая ценность жизни. Затем — что мне даст принятие реально- сти, и вообще, для чего она реальность нужна. Вслед за этим я написал, что мне даст благодарность, которую чув- ствую по отношению к миру. После чего исследовал сознание для того, чтобы оно предоста- вило ответ на вопрос «почему нужно открыться миру». В конце сеанса я уже с трудом смог сге- нерировать три урока, получен- ные в семь лет.

Я вошел в комнату в десять утра, а когда закончилась кор- рекция, на часах было шесть вечера. Я копался в лабиринте собственных мозгов восемь часов кряду! Выйдя из комна- ты, я понял, насколько устал. Хотелось прилечь и лежать, не шевелясь и ни о чем не ду- мая. У меня было такое ощущение, что я весь день занимался тяжелым физическим трудом, поскольку был измотан до по- следней степени. Но мне было

хорошо! Будто удалил гигант- скую пробку, закупорившую сосуды души, и теперь восстано- вилась нормальная циркуляция жизненных сил по имеющимся каналам. Абсолютно все мысли отступили на второй план, оста- вив внимание в полном одино- честве воспринимать реаль- ность, которая, словно девушка, расцвела за эти восемь часов, превратившись в полное загадок великолепие.

Солнце не просто отража- лось в окнах, слепя глаза, а све- том своим дарило частичку зна- ния об этом прекрасном мире. Осенний ветерок льнул ко мне, будто игривая кошка, нырял за воротник, лаская сухими ладо- нями. Я шел по улице, и идти было легко, словно гравитация действовала на меня в мень- шей степени, чем на остальных людей. Было легко идти потому, что появилась цель, цель всей оставшейся жизни. Правда, если бы кто-нибудь спросил, что же она собой представляет, то я не смог бы ответить: она была известна как ощущение, как присутствие, но не как то, что можно облечь в слова, но, черт возьми, цель была, была, я чув- ствовал это!

Вторую коррекцию я сделал через месяц. Накануне коррек- ции мы созвонились с Еле- ной, и она сообщила время начала сеанса.

В этот раз мы прорабаты- вали проблемы, существую- щие в данный момент. Как ни странно, те проблемы, которые казались наиболее важными, отменились Еленой сразу. Я было пытался настоять на своем; Елена деликатно, но твердо ска- зала, что здесь она решает, что важно, а что нет, пояснив, что мое тело само говорит, какую проблему нужно устранить.

Мы начали работать в десять утра; в районе двух часов у меня

появилось странное телесное ощущение, будто время вот-вот остановится, замрет, и после того, как это случится, откроется истина — краеугольный камень мироздания, познав которую я стану счастливым, навсегда. Предчувствие этого события наполнило тело спокойным восторгом. Время все замедлялось и замедлялось, а я непонятно как освобождался от той дряни, которую накапливал в течение жизни: обид, страхов, сожалений, непонимания, вины, эгоизма, пустоты, — весь этот мусор отваливался кусками, словно переставшая держаться штука-турка. Я будто попал в очищающее пламя, которое расплавало свинец грехов, и он покинул разум, вытек прочь, ушел куда-то в землю, принявшую провинности и похоронившую их в своей глубине. Я весь превратился в ожидание. Я чувствовал, что событие, которое должно произойти, каким-то образом связано со смертью, и все не кончающееся переживание превращало ожидание в нечто торжественное, величественное, незабываемое. Я знал, что в момент, который вот-вот настанет, буду должен раскрыть себя полностью, обнажить душу, чтобы показать смерти все лучшее, что есть во мне, то, что после очищения осталось внутри и было истинно присутствующим моей душе. И она, заглянув внутрь, без жалости и без ликования примет решение. Да, именно предчувствие смерти наполняло счастьем! Остановка времени — это смерть! Близкая, неотвратимая смерть! Только смерть была не леденящим душу присутствием, а близким другом, соратником, единомышленником, пришедшим помочь в трудную минуту, уберечь от зла, спасти.

Мысли остановились и канули в небытие, словно их и не

существовало. Я пытался подумывать о чем-нибудь, но ничего не получилось. Я хотел было рассердиться, но и этого сделать не смог. Потаенные желания, которые есть у каждого, вдруг стали нематериальными, бесплотными, пустыми, призрачными, словно тени, и утратили контроль над разумом, а вскоре и вовсе исчезли: я больше не нуждался в них. Я стал совершенно пустым! Во мне не осталось ничего от человека!

Непонятно, каким образом, ощутил, что тигр, находящийся во мне, доволен.

Огромным усилием воли я стянул с себя ожидание и продолжил заниматься коррекцией, а оно, словно тактичный человек, отошло в сторону, решив подождать, когда я закончу коррекцию, чтобы позже вернуться. Оно оставалось внутри в виде едва заметного присутствия отрешенности, покоя. Не хотелось думать, но я с легкостью отвечал на все задаваемые Еленой вопросы, не принимая в этом участия. Я не хотел делать записи, но строчки сами по себе ложились на страницы. Я превратился в наблюдателя, который с безразличием взирает на разворачивающиеся события, ни во что не вмешиваясь и никак не реагируя.

После коррекции я сел в машину и поехал домой. Ехал медленно, не торопясь, в правом ряду, не принимая участия в управлении автомобилем. Глаза смотрели вперед, изредка в зеркала заднего вида, руки крутили баранку, включали указатели поворота, ноги нажимали на педали, но сознание было далеко. Я существовал и не существовал одновременно: отдал власть над телом некоему автопилоту, а сам просто осознавал текущее мимо время, которое вот-вот должно было

остановиться, но все не останавливалось.

Приехав домой, я припарковал машину (удивительно, на стоянке рядом с домом было полно мест, чего никогда не бывало вечером) и поднялся к себе. Быстро принял душ и лег спать.

18

Вечером я отправился на прогулку по ботаническому саду. Было прохладно, изо рта шел пар. Была середина ноября, но снег еще не лег. Перед этим он шел несколько раз, но таял в течение суток.

Печальное очарование осени поблекло. Березы, осины, клены сбросили листья, и сквозь их художественные скелеты стала видна сизая даль. Я шел по гравийной дорожке, по которой в детстве мы с ребятами любили носиться на велосипедах, играя в догонялки. Раньше дорогу отсыпали и ровняли каждый год. Последний раз отсыпку делали еще во времена Советского Союза: тогда строго следили за выполнением плановых работ. За двадцать восемь лет, прошедших с момента развала страны, дорога захирела: обочины поросли травой, гравий смыло дождями и тальными водами, остались лишь бульжники — самая крупная фракция щебня, — намертво вросшие в землю. Впрочем, иногда рискованные автомобилисты, проезжая по дороге в своих экипажах, умудрялись выворачивать камни, и тогда в дороге, как в десне, зияла рана, словно из нее удалили больной зуб.

Я шел и любовался закатом: низкое неяркое солнце обжигало холодом плачущие макушки берез. Дорога была пустынная, не было ни спортсменов-бегунов, ни людей, выгуливающих собак, ни ве-

лосипедистов. Я неторопливо шагала и наслаждалась одиночеством. Неподалеку, справа от дороги, в нескольких шагах, стояла сосна. Как все деревья, выросшие на открытом месте, она была невысокой, но кряжистой, разлапистой, коренастой, а сучья начинали расти в полутора метрах от земли. Мне показалось, что за сосной кто-то стоит и курит, время от времени затягиваясь и выпуская дым в сторону дороги. Я подошел ближе, и смутная тень, словно птица, мгновенно промелькнула передо мной, скрывшись в кустарнике с другой стороны дороги. Мне даже показалось, что слышал взмахи крыльев. Я посмотрел в то место, куда исчезла тень, — ветви кустарника были неподвижны. Показалось?

Я пошел дальше, но через несколько шагов странное чувство, которое возникает, когда какое-либо дело не завершено, заставило меня оглянуться.

На меня смотрел мир — безбрежный, бесконечный, бескрайний мир. Я чувствовал его внимательный, изучающий взгляд. Словно все, что окружало меня: тишина, закатный час, небо, кустарник, дорога, деревья, их тени, опавшие листья — внезапно сбросило оковы сна и захотело взглянуть на того, кто идет по его владениям. Я посмотрел в гигантский зрачок и увидел в нем, будто в зеркале, свое отражение.

И в это мгновение я понял, что умру. Умру, и точка. Пробуждения ото сна не будет — усну навеки. Нет, не сейчас, возможно, даже совсем не скоро, но это непременно случится, и ничто не сможет остановить, отсрочить смерть. Ничто! Ничто не сможет повлиять на нее, заставить смилостивиться либо отложить неизбежный уход из этого пре-

красного мира. Ни то, как я жил, неважно, хорошо или плохо. Ни то, каких успехов я достиг. Ни то, любят меня или ненавидят. Ни то, что за меня будет ходатайствовать хоть все человечество. Она, словно призрак, возникнет рядом, посмотрит пустыми глазницами, и взгляд ее скажет: пора, пойдём. Я пойму, что пробил мой час, невесело усмехнусь и медленно начну собираться в дорогу. Смерть не будет торопить, ее терпению можно позавидовать. Она делает свое дело тщательно, без суеты; она беспристрастна, когда открывает несуществующую дверь в пустую леденящую бесконечность, в которой растворяется я-бытие, и провожает туда очередного простака. В смерти нет того, что можно было бы изучить и понять, она — сплошная загадка, которую в момент ухода так сильно хочется разгадать, чтобы остаться здесь, в этом удивительном мире, великолепие которого возрастает многократно, стоит лишь приблизиться смерти, но, к сожалению, время на земле кончилось, и придется уйти в бесконечность, так и не разгадав этот феномен. Разум в страхе начинает хитрить, юлить, пытаться договориться, но со смертью не договоришься, она лишь присутствие, бестелесный проводник в никуда, знак окончания персонального времени, превращающий бытие в небытие внезапно и бесповоротно.

В мозгу мгновенно пронеслись картины возможной смерти: я с огромной скоростью несусь на автомобиле и врезаюсь в бетонную опору железнодорожного моста, кузов безжалостно сминается инерцией, словно бумажный стаканчик под тяжелым сапогом, грудина и ребра ломаются от удара о рулевое колесо, голова пробивает лобовое стекло, и осознание,

превращающееся в ослепительно-красную нестерпимую боль, растворяется в приятной, манящей темноте, ибо выход из боли есть только в нее; я лежу на постели, весь обложенный подушками, начинается агония, боль душит меня, сжимает горло, затягивая на ней петлю, руки тянутся к кадыку, хотят разорвать ненавистную удавку, но не могут найти ее и потому рвут в лохмотья ногтями кожу, пытаюсь предоставить телу возможность вздохнуть еще раз, но тщетно, и сознание гаснет, убегая в темный пустой лабиринт, в конце которого, кажется, горит спасительный свет; я иду по шаткому мостику через ущелье, вдруг доски подламываются, и я, не успев ухватиться за их края, падаю вниз и спустя несколько секунд ударяюсь спиной о камни, удар вышибает весь воздух из легких, а голова, словно яйцо, разбивается всмятку, расплескивая мозги по камням, и сознание, только что наблюдавшее удаляющееся синее небо, исчезает, будто изображение с экрана выключенного телевизора.

Понимание неизбежности смерти что-то освободило во мне, и я совершенно другим взглядом посмотрел на свою жизнь. Черт, да как я живу, пронеслось в голове. Так больше нельзя! Нельзя растрчивать время на всякую чушь вроде мыслей, обид, разочарований, несбыточных мечтаний. Нельзя пытаться угодить людям, на которых совершенно плевать. Нельзя принимать населяющих землю тварей, да и все остальное всерьез. Нужно заниматься тем, что приносит удовольствие, делает добрее, мудрее, спокойнее. Нужно радоваться каждому новому дню, восхищаться простыми вещами: солнцем, дождем, ветром, морем, улыбкой, взглядом, словом. Без страха

смотреть в будущее. И ждать. Ждать, когда придет понимание.

А время все замедлялось и замедлялось, пытаюсь остановиться. Тигр был доволен.

Огромное бешеное животное, матерый злобный хищник зарычал на меня, и я очнулся. Предомной, едва не касаясь бампером, стоял автомобиль, а молодой парень, сидевший за рулем, яростно давил на клаксон — я стоял прямо посередине дороги, там, где застигло осознание смерти. Я помотал головой, стряхивая наваждение, и отошел на обочину, пропуская нетерпеливого водителя. Тот рванул с места и унесся прочь, поднимая за собой клубы пыли.

19

Я включил аудиозапись сатсангов Адамса, погасил ночник и лег в кровать. Поерзал, устраиваясь удобнее. Под головой лежал валик для медитации, который пару лет назад привез из Таиланда. Руки раскинуты в стороны ладонями вверх. Глаза закрыты, дыхание мерное, спокойное. Я слушал Адамса, а мысли, словно наигравшиеся до одури щенки, наконец-то успокоились, перестали метаться и вереницей потянулись к яркой белой точке, маячившей вдали. Я отстраненно наблюдал их исход и на прощание помахал рукой. После того как они скрылись в окрестностях точки, почувствовал, что тело мое ничего не весит и вследствие этого обстоятельства, оказывается, не лежит в постели, а висит над нею. Я совершенно не чувствовал ни свежей простыни, которую постелил после того, как принял душ, ни одеяла, укутывающего меня. Будучи наблюдателем, слышал, как издали бубнит Адамс, и видел себя, лежащего в постели. По-

том голос Адамса стал стихать, будто он медленно удалялся прочь, а я, словно в детстве, лег на спину на картонку и поехал с крутой горки. Движение ускорялось, я слышал, как свистит ветер в ушах, и тут со всей скорости влетел в сон.

20

После того как вернулся с Алтая, я решил смелить работу. Душа жаждала перемен, и первое, что пришло в голову, — это попробовать свои силы на другом поприще. Я представил, как буду уходить со станции, на которой отработал больше семнадцати лет. Возьму несколько пластиковых мешков, сложу туда вещи из кабинки: чистую робу, грязную робу, теплую куртку, белье, обувь, подшлемник, энцефалитку... Уберу со стола перекидной календарь, на страницах которого делал рабочие записи, освобожу ящики стола от федеральных норм и правил, инструкций по эксплуатации, по охране труда, по пожарной безопасности, от канцелярских принадлежностей, перечней документации, схем, графиков, чертежей... Скину на флешку все личные файлы, после чего сотру их с жесткого диска... Раздам коллегам оставшиеся вещи: ключи, рулетку, инструменты, прочую мелочь... В последний раз полью цветы, попрошу напарника следить за ними, подкармливать удобрениями... В последний раз обойду цех, заглядывая в каждый закоулок, потом не спеша, с наслаждением, пройду по территории станции... Попрощаюсь с теми, с кем был дружен, поставлю бутылку... И уйду. Навсегда.

Арабская поговорка гласит: прежде чем украсть минарет,

выходяй подхождящий колодец. Уходить с работы в никуда не годилось. Депрессия депрессией, а тело нужно кормить каждый день. И за квартиру платить. Пусть и не так часто, как кормить плоть, но нужно. Поэтому я составил список потенциальных работодателей в порядке их планируемого посещения и приступил к поиску работы, благо что отпуск еще не закончился.

Нужно сказать, что сейчас найти работу не так просто. По стране гуляет кризис, на который списывают все что ни попадя, в том числе отсутствие рабочих мест (мне вспоминается законодательство Советского Союза, в котором была уголовная статья за тунеядство). Почему не повышают зарплату? Кризис. Почему растут цены? Кризис. Так в кризис, наоборот, цены падают! Вы что-то путаете. Это за рубежом цены во время кризиса падают, поскольку покупательная способность денег уменьшается, а у нас не-е-ет, мы же эксклюзивный вариант капиталистической страны. Цены на нефть падают, а у нас бензин дорожает. Как мы всех удивили! Одурачили империалистов! Приезжайте к нам, вмиг разбогатеете! Накупите какой-нибудь дряни за бесценок, а здесь продайте втридорога! Складывается впечатление, что люди, которые диктуют цены, либо страдают умственной хворью, не отличая дырку от бублика, либо отъявленные проходимцы: им ссы в глаза, они скажут — божья роса. Впрочем, это человеческий фактор, не более. Перед законом все равны, но кто-то чуточку ровнее. Но довольно об этом.

Я начал поиск работы в понедельник. Чисто побрился, надел свой лучший костюм, который погладил с вечера, повязал галстук. Надушился мужским парфюмом, имеющим приятный, но

въедливый (наверное, это называется «незабываемый») запах. Почистил туфли, так, что ими можно было пускать солнечные зайчики. Закинул в рот мятную жвачку. И вышел в мир.

Город, в котором я живу, большой — два миллиона жителей спуют по его территории, помогая Земле держаться на плаву и не упасть в какую-нибудь пространственно-временную трещину. Живу я на отшибе, в отдаленном районе, поэтому выбора как такового особо-то и не было. Пять крупных предприятий по утрам выпускали в свои недра рабочий люд, а вечером выпускали его, обессилевшего, на волю. Можно было, конечно, попробовать найти работу ближе к центру, но дорога туда-обратно занимает два с половиной — три часа. Значит, вставать нужно в половине седьмого, в семь выезжать, чтобы к половине девятого добраться в центр, в шесть вечера выезжать домой, приезжать — в лучшем случае — в половине восьмого, потом готовить еду, ужинать, а там и пора ложиться спать. И так пять дней в неделю. Отличная жизнь! Зачем такая нужна? Поэтому я остановил свой выбор только на близлежащих предприятиях. Не хочу жить в пробках. Да и умирать в пробке тоже как-то не очень... Правда, жалование в центре выше, а тратить когда? Во сне? Или одиннадцать месяцев горбатиться, чтобы потом один месяц шиковать где-нибудь за границей? Нет, в такие игры не играю.

Отделы кадров (теперь они называются «служба по работе с персоналом») предприятий я посещал в порядке удаления от дома. И за день, точнее, за утро, посетил их все. Много воды утекло с тех пор, как я последний раз устраивался на работу. Все

изменилось до неузнаваемости. Оказалось, что в нынешнее время обивать пороги в поиске работы совершенно ни к чему. Достаточно иметь доступ в Интернет. И уметь себя подать (как фирменное блюдо в каком-нибудь ресторане). А на одиноких стрелков типа меня давно уже никто внимания не обращает. Впрочем, везде обворожительно мне улыбались, заговорщицки подмигивали и говорили, что обязательно перезвонят. Из чего был сделан вывод, что меня просто-напросто вежливо отшивали. Так как был уверен, что кадровики выбрасывали бумажку, на которой я в надежде царапал свой номер телефона, еще до того, как покидал очередную организацию, поскольку ни один не перезвонил. Ни через день, ни через два месяца, вообще никогда. Они перешли в другое измерение и там закуклились, перестав отражаться в этом мире.

Вернувшись после поисков домом, я зарегистрировался в hh — «охотнике за головами». Но на сайте таких замечательных людей, как я, было полным-полно. Впрочем, из одной организации мне вскоре позвонили и сказали, что будут рады меня видеть такого-то числа по такому-то адресу. Человек, звонивший мне, был полон радушия, что сразу же насторожило, и я спросил, не относится ли деятельность организации, в которую приглашают, к торговле. Да нет, ответили на другом конце линии, ну что вы! Прозвучало это как-то неубедительно, но чем черт не шутит?

Я приехал к шести часам вечера на встречу. В офисе, в котором должно было проходить собеседование, было полным-полно народу. Меня это удивило, поскольку в hh я выставил свою кандидатуру на соискание должности главного инженера либо главного энергетика с за-

работной платой не менее ста двадцати тысяч рублей. В городе приехали москвичи и решили на деньги зарубежных инвесторов организовать энергетическую компанию? Если так, тогда присутствие людей, принадлежащих к разным социальным группам, оправданно.

Я заполнил анкету, указав в ней ложные данные, кроме номера телефона. Вполне возможно, что это аферисты, обдывающие свои делишки, поэтому не имело смысла откровенничать. А если окажется, что это вполне уважаемая компания, можно будет объяснить, по какой причине я так поступил.

Вскоре меня позвали на собеседование.

Было около семи вечера, и основная часть соискателей уже покинула территорию компании. В комнате было четыре человека: двое мужчин, тихо разговаривающих в противоположном углу помещения, дама в деловом костюме и я. Она села за стол и предложила занять место для посетителей, затем представилась и попросила представиться меня. При этом дама держала в руках мою анкету. Я заметил, что в анкете все написано: фамилия, имя, отчество, национальность, дата рождения и прочие данные. На что дама возразила, сказав, что нужно отвечать, когда спрашивают, иначе беседы не получится. Спокойным тоном я молвил, что если не получится, то и бог с ним, не сильно расстроюсь, поскольку считаю, что когда человек не удосужился прочитать анкету и задает лишние вопросы, тем самым он создает психологическое давление и заставляет посетителя обороняться вместо того, чтобы просто начать деловое общение и выяснить все необходимые детали. Даме не

понравилось, что я перехватил инициативу, и она начала настаивать на своем. Я пожал плечами и назвал имя и фамилию. Тревожный взгляд дамы был не хорош, и я решил как можно быстрее закончить собеседование и покинуть офис. Вдруг мне стало понятно, что здесь собрались-таки аферисты и я теряю время, но решил досмотреть спектакль до конца, подумав, что, возможно, тогда появится знание о новых методах работы мошенников. Я спросил, чем занимается компания, которую она представляет. Дама ответила, что они занимаются торговлей китайской косметикой, ее аксессуарами, бытовой химией и парфюмерией. Я уточнил: компания занимается торговлей или спекуляцией?

Надо было видеть лицо бизнес-леди в этот момент: зрелище было не для слабонервных.

В начале двухтысячных, в ту пору, когда должны были состояться выборы президента, я смотрел по телевизору предвыборные дебаты канди-

датов. В дебатах участвовали Зюганов, Миронов, Жириновский, Хакамада и кто-то еще. И вот пришло время Хакамады отвечать на вопросы других претендентов. Она заняла место за кафедрой и приготовилась к полемике. Ей задавали вопросы, она отвечала, все шло своим чередом. Но тут Миронов откашлялся и спросил: правда ли, Ирина Муцуовна, что деньги, на которые ведется ваша предвыборная кампания, предоставлены одной из организованных преступных группировок? Промолчи она, улыбнись, или скажи какую-нибудь глупость, или просто отшутись, все было бы хорошо, но черты лица Хакамады в одно мгновение исказились настолько, что она превратилась в злобную фурию, жаждущую крови. Впрочем, Хакамада быстро взяла себя в руки и сделала более или менее невозмутимое лицо, но ее политической карьере пришел конец, поскольку не смогла удержать свои эмоции под контролем, тем самым выдав себя с головой.

Дама, проводившая собеседование, тоже не справилась с эмоциями. Она заговорила очень быстро, с нажимом, чуть не крича. С пиететом стала восклицать, что господин такой-то (не помню, как звали хозяина компании — совершенно нет памяти на китайские фамилии) создает для российских граждан рабочие места и, по сути, этот господин чуть ли не филантроп. Тараторила, что качество китайских товаров выше, чем европейских, что себестоимость их низкая, вследствие чего продукция компании продается по бросовым ценам, что никакая это не спекуляция, а честный, легальный бизнес. Затем непоследовательно перешла к воспоминаниям о том, как окончила торговый институт, как сложно ей приходилось поначалу, как искала работу, как работала торговым представителем, как таскала сумки, как наконец-то нашла нормальную компанию, как работала по восемнадцать часов в сутки без выходных, как пробилась на самый верх, как

отсыпалась в самолетах, как боролась с нервными кризисами, как показывала самые лучшие результаты по продажам, как организовывала новые представительства компании в городах, как видела детей в лучшем случае раз в месяц, как ей не хватает семьи и как труден и тернист путь менеджера наверх. Наконец исповедь ее прервалась, а напоследок она сказала, что заработную плату, которую я указал в анкете на hh, еще нужно заслужить. Я пояснил, что обозначенная сумма соответствует моему профессиональному опыту, а также знанию мною федеральных законов и правил, указал данную сумму исходя из того, что хорошо освоил свою специальность, предоставляю работодателю возможность пользоваться моими услугами и требую за это соответствующее вознаграждение, но сам я как личность не продаюсь и ни в коем случае не собираюсь торговать китайским ширпотребом неизвестного качества, возможно, не соответствующего ни нормам СанПиН, ни Роспотребнадзора, пусть даже меня озолотят.

Эта дама не была проституткой: та предоставляет клиенту только тело, не более, в душу никого не пускает; она была хуже проститутки, продала себя целиком (сейчас такое отношение к работе в коммерческих кругах называется лояльностью) за деньги и положение в обществе, которое дают деньги. Она была зомбированной добровольно. Сама себе промыла мозги так хорошо, что у нее не возникало даже тени сомнения в собственной правоте. Я смотрел в глаза бизнесмену и видел, что она верит в то, что нужна своим детям и внукам, если, конечно, таковые есть: это было частью истории, написанной ею для себя же, неким легальным

описанием своей жизни, представляемым по первому требованию. Я видел, что она построила замок своей жизни на песке и изо всех сил уверяет себя в том, что фундамент крепок и замок простоит еще триста лет. Каждое утро она начинает с аффирмаций: я деловая женщина, у меня отличная работа, я востребованный человек в компании, я нужна людям, я умею решать проблемы — и прочей чуши, но в глубине души прекрасно знает, что все это ложь и жизнь ее построена на лжи, дети ее презирают и только и ждут, когда она наконец загнется, чтобы промотать денежки, зарабатывая которые она столько лет унижалась.

После того как я высказал свое отношение к данному виду деятельности, с лица ее спала маска, и она стала угрожать. С ненавистью глядя мне в глаза, говорила, что у нее большие связи, и с этого момента у меня будут проблемы, что я оскорбил дух корпоративной этики и она приложит все возможные усилия для того, чтобы наказать меня, что я тупица, который ничего не понимает в колбасных обрезках, а таких следует уничтожать.

Видя, что общение подошло к концу, я как можно радужнее улыбнулся и сказал ей: какая забавная, после чего выхватил из-под носа анкету и уже было собрался уходить, как вспомнил, что во мне живет тигр, и решил подшутить над дамой с проданными мозгами. Я представил себя в обличье полосатого зверя и недоброволю рыкнул на нее. Тотчас глаза бизнес-леди закатились под лоб, веки, затрепетав, медленно закрылись, и она упала в обморок, запрокинув голову назад. Я посмотрел на ее безвольно открывшийся рот и вышел из комнаты.

После того визита поиски были прекращены.

Вскоре отпуск закончился, и я вышел на работу.

А через пару месяцев одна из сотрудниц, заместитель начальника станции, уволилась, объяснив свой шаг тем, что ей не хватает места, чтобы развернуться и показать свои способности. Нынешний начальник подразделения предложил мне занять вакантную должность, и я согласился, шагнув таким образом через две ступеньки вверх по иерархической лестнице.

Бывает, то, что мы ищем, находится у нас перед носом, достаточно внимательно присмотреться.

21

После того как я сменил кабинет, пришлось аттестовываться в комиссии Ростехнадзора. Перед аттестацией проходили занятия, на которые в течение двух недель приходилось ездить в центр города. Экзамены проходили, как правило, утром и длились не более пятнадцати минут: требовалось ответить на пять либо десять вопросов, поставив галочки напротив правильного варианта ответа на компьютерной страничке. После проверки инспектор задавал пару вопросов, и я, расписавшись в протоколе, покидал здание Ростехнадзора и возвращался домой.

Однажды после очередной аттестации я поехал в рабочий поселок, в котором жили дети и жена. Супруга попросила проследить, чтобы сын сделал уроки, поскольку в последнее время у него стала хромать дисциплина и он ленится выполнять домашние задания.

После приезда с Алтая я ни разу не навещал детей.

Я приехал в поселок, поставил машину возле дома, в котором жила семья, и пошел прогулять-

ся в парк: уроки у сына еще не закончились. В центре парка находился пруд. Несколько лет назад ручей, протекающий в той местности, запрудили, а для перелива приспособили две трубы диаметрами четыреста и пятьсот миллиметров, оголовки которых были забраны сеткой-рабицей. Затем администрация поселка запустила в пруд мальков караса, сазана и карпа, и те, регулярно получая от детей и их родителей хлебобулочные изделия в циклопических количествах, расплодились до такой степени, что иногда казалось, что идет дождь, поскольку жадные морды то тут, то там высывались из воды, чтобы глотнуть воздуха, и круги, образовывавшиеся на поверхности от всплывших объектов ихтиологии, расходились, пересекаясь между собой, во все стороны, как от капель дождя. Вокруг пруда была сделана неширокая дорожка, выложенная фигурными бетонными плитами, и стояли удобные лавки для того, чтобы прогуливающиеся люди смогли присесть и полюбоваться благоустроенной ландшафтными дизайнерами местностью. По неизвестной причине молодежь, обожающая пиво, обходила парк стороной, и урны, находящиеся возле лавок, наполнялись лишь обертками от конфет, бумажными стаканчиками из-под кофе и окурками.

Я присел на лавку и стал ждать звонка от сына. Невдалеке молодая мамаша и ее маленькая дочь кормили рыб, бросая в пруд куски батона размером не меньше бильярдного шара. Поднимающиеся из глубин подводные лодки в один присест заглатывали сдобу, стоило ей лишь коснуться поверхности воды, и, махнув хвостом, уходили на дно, размещая в трюмах приятную сытость, наполненную альтруизмом.

Девочка, довольная манерами рыб, радостно смеялась и тыкала пальцем в сторону пяткачка, кипевшего от пожирательной активности, показывая матери, какой, оказывается, хороший аппетит у водяных тварей. Мать только качала головой и говорила дочери, что той нужно брать пример с этих холоднокровных и кушать так же хорошо.

Вскоре позвонил сын и сказал, что уроки закончились и он уже дома. Я бросил прощальный взгляд на темно-серые горбы стоящих в дрейфе возле берега рыб и пошел домой.

Мы на скорую руку пообедали и пошли делать уроки. Сын достал дневник и показал задания на завтра.

— Папа, — попросил сын, — иди в другую комнату, я привык в одиночестве уроки делать.

Мы договорились, что сын позовет как только закончит и я проверю выполнение письменных работ, а потом он расскажет те задания, которые задали учить в устной форме.

Я взял «Град обреченный» Стругацких и принялся за чтение, изредка бросая взгляд на часы. Через сорок минут сын вбежал в комнату и сказал, что все сделал. Мы вернулись в его комнату, и я начал проверку. В первую очередь сын ответил задание по окружающему миру, потом прочел и пересказал отрывок, который задали по русскому языку. Затем он показал домашнюю работу по английскому.

Наступил черед проверить работу по математике.

Сын наизусть прочитал правило, которое следовало выучить, и, стерев тыльной стороной ладони пот со лба, сказал:

— Все, папа!

— Постой-постой. — Я помнил, что в дневнике значилось четыре упражнения, — Как это все?

Тебе же и письменно задали! Где твоя письменная работа?

— Папа, — сказал сын убедительным тоном, — ты о чем? Нам только правило выучить нужно.

— Ну-ка давай дневник, — сказал я.

Сын, не моргнув глазом, протянул дневник.

Задание по математике было замазано корректором. Поверх корректора был написан номер одного-единственного упражнения.

Я давным-давно привык к тому, что люди лгут, но ложь сына повергла меня в ступор. Я просто оторопел. Смотрел на сына и хватал ртом воздух, словно рыба, вытщенная из воды.

— Сынок, как ты мог? Ты зачем мне лжешь?

— Пап, я не лгу. — Сын, не глядя в глаза, продолжал гнуть свое. — Смотри, вот же написано: страница номер тридцать девять, упражнение номер один. И все!

Скажи он: пап, ну не хочу я эту математику делать, я бы понял. Мы бы смогли договориться, что он сделает ее позже. Но беззастенчиво-наглое вранье, вранье сына — человека, который дорожке всех на свете, в один миг накоротко замкнуло проводку, воспламенив мозг, и со мной случился приступ гнева.

Довольно продолжительное время после возвращения с Алтая мне удавалось сдерживаться даже в самых неблагоприятных ситуациях, и я уверовал, что мне удалось совладать с гневом. Как я ошибался! Эта вспышка еще раз подтвердила простое правило: я всегда должен быть начеку, иначе гнев может в один момент захватить власть надо мною.

Красный дракон покинул меня, но его призрак висел надо мною, как дамочков меч.

Впоследствии я пытался убедить себя в том, что просто не был готов к такому повороту, что меня обманет сын, но прекрасно понимал: оборона моя еще пока слабовата и гнев в любой момент может отыскать лазейку в разум через незащищенный, не обнесенный частоколом участок.

Мгновенная горячая волна затопила разум, и я утратил всяческий контроль над собой. Я орал так, что птицы камнем падали с неба, сбитые акустическим ударом. В доме напротив дребезжали стекла. Собаки на улице затихли и, жалобно взвизгивая, убрались восвояси. Я тряс сына за плечи так сильно, что у него едва не оторвалась голова. Он плакал и боялся смотреть мне в лицо. Слезы текли по его щекам, а меня это заводило пуще прежнего. В гневе казалось, что сын издевается надо мной, хочет разжалобить, чтобы не делать эту дурацкую математику.

Достаточно давно я заметил такую вещь: после того как приступ гнева проходит, я не могу вспомнить, что же во время приступа происходило. Не могу вспомнить слова, которые кидал в лицо своему оппоненту, не могу вспомнить, где стоял и что вообще происходило. Воспоминания о приступе больше походили на воспоминания из детства, настолько они стерты, пусты и бесплотны, словно тени. А ведь приступ произошел пять минут назад. Как же так? Совершенно ничего не помню!

Впоследствии я прочитал медицинскую литературу, касающуюся данного эффекта. Оказалось, что во время гнева мозг практически перестает функционировать. Так что беспамятство объяснялось просто.

Вдруг лицо сына посерело от ужаса, и он, вывернувшись

из моих рук, забился в угол, закрыв лицо руками. Я бросился было к нему, но меня изо всех сил ударил по голове невидимый противник, и я свалился на пол, как куль с тряпьем. В голове заполыхали раскаленные фейерверки, расцвечивающие пространство вокруг в электрические красно-желтые тона. В теле начали взрываться мгновенно вспухающие пузыри, отчего внутренности хаотически перемешались между собой, превратившись в комок нестерпимой боли. Члены потрясали конвульсии, словно у меня началась пляска святого Витта.

И тут, раздирая грудь, из глубин моего существа вышел он, огромный тигр с табачно-желтыми глазами убийцы. Он лениво посмотрел на меня, брезгливо поморщился, потом перевел взгляд на сына, который, увидав тигра, появившегося из моего тела, сполз по стенке. Глаза сына стали круглыми, словно монеты, взгляд, прикованный к тигру, застыл, рот открылся. Казалось, что тигр взглядом высасывает из него жизнь: лицо сына бледнело, пока не стало абсолютно белым, словно только что выпавший снег. Наконец сын потерял сознание, глаза закрылись, ноги подкосились, и он плавно лег на пол. Тигр подошел к нему, обнюхал, облизнулся, в раздумье покачал головой и медленно, беззвучно пошел к балкону, не взглянув на меня. Он ловко вскочил на перила и сиганул вниз. Я видел, как он, не торопясь, трусит к школе, визжащая детвора убегает от него врассыпную, а тигр, подойдя к школе, прыгает в огромный баннер, натянутый на школьной стене, и превращается в собственное изображение, нарисованное в натуральную величину и выглядящее так, будто он в любую минуту готов

сойти с плаката и отправиться по своим делам. Несмотря на то что баннер давно висел на школе, только теперь я заметил надпись на нем, гласившую: совладать с гневом так же сложно, как приручить тигра, но сделавший это достоин уважения.

22

Чем больше проходило времени с момента, как ушла та женщина, тем меньше я вспоминал о ней. Впрочем, в этом нет ничего удивительного: даже глубокие раны когда-то заживают. Теперь она снилась не раз в неделю, а раз в месяц, и я уже не просыпался в поту, как раньше, а, проснувшись, понимал, что это сон, и, перевернувшись на другой бок, снова безмятежно засыпал. А потом она вообще перестала сниться и навсегда покинула мое пространство. Третье отложенное наказание, исчерпав себя, закончилось, чтобы более не возникнуть никогда.

Гнев, мой постоянный путчик, на одном из привалов жизненного пути после встречи с тигром напился, проспал подъем и так и остался на каком-то безымянном полустанке. Иногда он, поднатужившись, все-таки догонял меня, панибратски хлопал по плечу, спрашивая: ты куда собрался без меня? Я говорил, чтобы он отстал, мне совершенно не нужен такой путчик, поскольку от него одни проблемы. Пока гнев думал, чем парировать, я уходил, и ему требовалась вся сноровка, чтобы по остывшим следам отыскать меня. Я понимал, что гнев будет со мной до конца жизни и вряд ли от него избавлюсь, только сил у него с каждым днем становится все меньше и меньше, и он уже не способен воспламенить разум до такой степени, что я не могу контролировать себя. Да,

приступы гнева порой случались, но теперь для них должна была быть очень веская причина, да и сами приступы были словно холостые выстрелы: звук есть, а толку никакого. Припадки гнева были чем-то вроде пожарной тренировки: возгорание на площади не более квадратного метра создают сами пожарные, потом лихо разматывают пожарные рукава, готовят багры, ведра с песком и огнетушители и тушат вялый огонь за три секунды по часам. Позже гнев вообще стал походить на книжку, которая прочитана двести раз и настолько уже надоела, что от одного вида начинает мутить. Да, от гнева внутри становилось противно, и меня начинало тошнить, и тогда гнев исчезал, растворяясь в приступе тошноты.

Призрак дракона становился все более плотным и плотнее.

Затем я стал замечать, что научился контролировать мысли. В голове появился некий наблюдатель, по совместительству контролер-вахтер, который проверял мысли на то, не несут ли они в себе деструктивную нагрузку, прежде чем запускать в обращение. Разумеется, мысли, которые месяцами, а то и годами крутились в черепушке, на правах завсегдатаев пытались прорваться через турникет, но вахтер спрашивал пропуск, которого, естественно, не было, и отказывался впускать. Они делали удивленное выражение лица и якобы в недоумении говорили: старик, неужели ты не узнаешь меня?! Это же я, я всю жизнь здесь живу! Но контролер-вахтер требовал пропуск, и те, обидевшись, гордо вздергивали головы и уходили прочь, возвращаясь через несколько минут, чтобы вновь наткнуться на вахтера, который их раз за разом отказывался

впускать. Случались, конечно, накладки: иногда мысли прятались одна в другую, словно матрешки, и после того как проходили контролера, начинали свою подрывную деятельность; наблюдатель их быстро вычислял и, схватив за ухо, выдворял вон. Бывало, что мысли, имеющие статус персоны нон грата, нагло подхватывали другие мысли под руку и пытались миновать вахтера, даже успевали пройти за турникет, но к ним сразу же подходили неприметные молодые люди в черных костюмах с серьезным выражением на лицах и, не сказав ни слова, выводили прочь. Надо сказать, что мысли вообще оказались сущностями чрезвычайно изобретательными и выдумали тысячу уловок, чтобы хоть на некоторое время занимать главенствующее положение в мозгу, стягивая на себя энергию внимания. Порой было сложно отследить их возникновение, но в конце концов все ходы были изучены, и контроль над ними ужесточился многократно, что привело к комфортному существованию в реальности.

Шаман был прав: без сущностей я стал совсем другим человеком.

Мысли творят ту реальность, в которой живем. Разумеется, они не создают горы и не возводят здания, не растят леса и не порождают людей, но они творят настроение, вырабатывают отношение к вышеперечисленным вещам. Они навешивают ярлыки, оценивают, вмешиваются в то, что их не касается. Одним словом, мысли совершенно не нужны. Только избавившись от них, можно познать мир в его чистоте, без навязанных оценок и чуждых интерпретаций.

А кто творит мысли? Сущности. Именно они перестраивают людей под себя.

После того как черная пелена, окутывающая мозг в замкнутом кружении и, словно фильтр, мешающая увидеть мир в его первоизданной красоте, исчезла, я перестал понимать те цели и мотивы, которые раньше руководили мной. Это касалось не только предметов материального качества, но и вещей тонкого плана, например отношений. В частности, я осознал, что не нуждаюсь в отношениях с женщиной. Они (отношения) перестали меня интересовать. Половой инстинкт не исчез (еще бы, такой громоздкий механизм, на котором зиждется человечество!), но я научился его контролировать. Перелом произошел потому, что стало безразлично, нахожусь я в одиночестве или в компании. Более того, одиночество стало предпочтительнее, поскольку люди своим присутствием пытались «подсадить на свою волну», а мне этого совершенно не хотелось. Общение стало напоминать вандер-ваальсовы взаимодействия: ориентационное, индукционное и дисперсионное, словно люди стали диполями, которые соответствующим образом ориентируются относительно друга друга либо поляризуют находящиеся рядом. Я отчетливо стал видеть ловушки человеческого общения, которые неосознанно ставят люди. Исчезли иллюзии, касающиеся мотивации человеческих устремлений. И, самое главное, исчезла эмоциональная вовлеченность в эту деятельность. Я перестал общаться с большей частью своих знакомых, поскольку осознал, что общение с ними ничего не дает, а, наоборот, тянет из меня энергию: запускает мысли, от которых с таким трудом избавился и, избавившись, перекрестился; возвращать те мысли в свою жизнь абсолютно

не хотелось, много усилий было потрачено на их уничтожение. Да, возвращаться в тот кошмар не хотелось, поэтому выбор был очевиден — наполненное сознанием одиночество.

Может, и не было никаких отложенных наказаний? Может, сущности, жившие во мне, искажали восприятие, не более того? Может, вся жизнь была исковеркана постоянным вмешательством этих тварей? У меня нет ответов на эти вопросы. И вряд ли когда появятся. Но я бесконечно рад, что во мне нет больше ничего постороннего.

Качество жизни изменилось. Теперь я просыпался с радостью, зная, что впереди новый день, который принесет множество интересных впечатлений. Я наблюдал, как он начинается: темнота, повисшая над землей, понемногу разбавляется квантами света, и наступают сумерки. Птицы, часовые ночи, приветствуют приходящий день, начиная насвистывать нежные, наполненные любовью песни. Над лесом появляется горбушка солнца, сначала красная, потом она становится оранжевой, затем желтой, и слепящий глаза солнечный диск заливает землю живительным светом. Я был счастлив, наблюдая эти простые, но необыкновенно впечатляющие явления.

Однажды я сидел в летнем кафе и любовался тем, как играют солнечные лучи на каплях росы, которые покрывали листву растущей невдалеке березки. С некоторых пор я каждое утро прогуливался по улицам Городка и всякий раз не узнавал его, ибо за ночь все чудесным образом преобразалось, и детали, ранее не замеченные, становились

отчетливо видны, а другие, уже замылившие взгляд, исчезали, словно их и не бывало. У меня сложилось странное ощущение, что мир, желая нравиться, каждый день переодевает одежду, словно женщина-модница. Я удивлялся, как раньше не замечал столь заметный феномен.

Передо мной стояла бутылка минеральной воды и стакан. Я смотрел на пузырьки, которые дожидались своей очереди, чтобы всплыть и слиться с атмосферой. Краем глаза увидал, как кто-то присел за соседний столик. Я отстраненно размышлял о том, что в жизни не пришлось встретить свою, родную женщину, и, скорее всего, уже и не встречу, поскольку они, наверное, большая редкость на наших широтах. Легкая, светлая печаль, словно едва слышная медленная, спокойная музыка, баюкала меня, погружая в состояние, которое в последнее время все чаще и чаще овладевало мной: я переставал различать, куда направлено внимание — внутрь или вовне, отчего сливался с миром, становясь его частью, не осознающей ни себя, ни своего места в мире, и когда наступало это состояние, совершенно не чувствовал тела и уже не мог утверждать наверняка, существую ли вообще.

Звонкий женский смех вывел из гипнотического транса. Я посмотрел в сторону, откуда звучал смех, который, словно мелодичный звук серебряного колокольчика, привлек внимание. За соседним столиком сидела женщина лет тридцати пяти и улыбалась мне. Не знаю почему, но я понял вдруг, что всю жизнь знал эту женщину,

правда, заочно, и что встреча наша была неизбежна, что она была запланирована с самого мига моего рождения, но не происходила потому, что попросту не был не готов к ней.

Мы одновременно встали и подошли друг к другу. Я смотрел в ее улыбающиеся солнечные глаза и видел в них счастье и покой, любовь и радость, чистоту и терпение, веру и доброжелательность. Я любовался, как ветерок гладит ее легкие соломенные волосы, и она, улыгнувшись, рукой убирает их с лица.

— Я нашла тебя, — наконец сказала она и вновь улыбнулась.

От ее улыбки кружилась голова.

— Я дождался тебя, — ответил я.

— Разве ты ждал меня?

— И да и нет, — честно ответил я.

— Значит, эту записку все-таки написал ты? — И она бережно протянула ставшую хрупкой от времени страничку, вырванную из блокнота.

На листке перьевой ручкой моим почерком была нацарапана сегодняшняя дата, время и название кафе, в котором находились мы.

Я пожал плечами.

— Разве ты не помнишь, как дал мне эту записку?

Я покачал головой.

— Что ж, давай знакомиться по новой! Меня зовут Екатерина.

— Родители назвали меня Анатолием.

Я взял ее за руку, и мы пошли туда, где нас ждал вечный, чудесный, неповторимый, удивительный, желанный мир, мир для нас двоих, и больше ни для кого.